

Фэн Люнянь и Лан Кэ погостили в поместье принца-регента всего несколько дней и засобирались в обратный путь: в поместье Ясной Луны накопилось множество дел, требующих их личного присутствия. Вместе с ними уехал и Лан Сычжоу, который сейчас постигал под руководством Лан Кэ тонкости купеческого ремесла. С их отъездом в усадьбе утихло недавнее оживление, и она вновь погрузилась в привычное спокойствие.

Ань Шаоцинцэ целыми днями пропадал на государственной службе, Фэн Бэйцэ с утра до вечера занимался домашним хозяйством, а Ань Цзыпин и госпожа Лю не отходили друг от друга ни на шаг, упиваясь своим тихим счастьем. В этой суете Ань Цзынь чувствовал себя неприкаянным. От нечего делать он пытался спастись чтением, но стоило ему раскрыть книгу, как перед глазами неотвязно возникал образ одного человека. Строчки расплывались, смысл ускользал, и юноше оставалось лишь с тоской смотреть в окно на бесконечную круговерть дождя со снегом и тяжело вздыхать. Впрочем, изредка он помогал отцу вести дела усадьбы — как старшему сыну и наследнику, ему так или иначе следовало перенимать бразды правления.

Время от времени Ань Шаоцинцэ брал старшего сына с собой во дворец. Ань Цзынь носил титул наследника поместья принца-регента, и в будущем ему предстояло занять место отца. Прежде отец берег его, не желая обременять слабого и болезненного юношу государственными заботами, но теперь, когда недуг отступил, пришла пора браться за учебу всерьез.

Первое появление Ань Цзыня при дворе произвело немалый переполох. Мало кто верил, что этот вечный задохлик, буквально угасавший на глазах от горстей лекарств, сумеет оправиться. И пусть он по-прежнему казался хрупким и утонченным, былая мертвенная бледность исчезла, уступив место здоровому румянцу. Вскоре по залам поползли слухи: поговаривали, что наследник совершил паломничество на гору Небесного Духа, где некий бессмертный старец вырвал его из лап смерти. «После такого несчастья его точно ждет великая судьба», — шептались придворцы.

К наукам Ань Цзынь оказался на удивление способен — схватывал все на лету, понимая сложные материи с полуслова. Сметливостью он явно пошел в родителей, унаследовав живой ум отца и чуткость папы Фэн Бэйцэ, разве что в его характере не было той надменной холодности, которой славился Бэйцэ в свои юные годы.

Ближе к концу года, когда столица уже вовсю готовилась к праздникам, на пороге поместья появился неожиданный гость. Это был Чоу Хуайшэн — тот самый человек, о котором Ань Цзынь грезил дни и ночи напролет. В усадьбе гостю оказали самый радушный прием. И хозяйева, и слуги наперебой старались угодить ему, ведь все знали: хотя с того света наследника вытащил Истинный владыка Сюаньцин, без его преданной заботы на горе Небесного Духа юноша едва ли оправился бы так быстро.

И вот тот, кого он так страстно ждал, стоял перед ним, но Ань Цзынь отчего-то не смел поднять глаз и взглянуть на Чоу Хуайшэна. Предсказание бабушки сбылось в точности, однако Цзынь никак не мог взять в толк: зачем Хуайшэн проделал этот долгий путь в столицу?

Чоу Хуайшэн прибыл в поместье как раз накануне праздника Лаба. Из-за столь внезапного

визита устроить пышный пир сразу не удалось, поэтому торжественный прием решили перенести на праздничный день, а в первый вечер обошлись скромным семейным ужином.

После ужина домочадцы деликатно разошлись, предоставив молодым людям возможность побыть наедине в уютной гостиной. Все прекрасно понимали, что им нужно поговорить без свидетелей.

— Хуайшэн, тебе следовало предупредить нас заранее, — негромко произнес Ань Цзыянь, впервые за весь вечер обращаясь к гостю. — Мы даже не успели подготовиться к твоей встрече, мне так неловко...

Чоу Хуайшэн тепло улыбнулся. До этого момента ему толком не удавалось поговорить с Цзыянем — тот робел и то и дело ускользал в свои покои. Теперь же он мог без помех рассмотреть юношу.

— Я лишь исполнил свое обещание навестить тебя, — ответил он. — Вижу, домашние стены пошли тебе на пользу. Ты выглядишь куда бодрее, чем на горе.

Ань Цзыянь встретился с ним взглядом и тут же смущенно опустил взгляд.

«И зачем я только понастроил себе воздушных замков? — с грустной усмешкой подумал он. — Брат Хуайшэн приехал в столицу лишь потому, что привык держать слово. Но даже так... увидеть его снова, когда я думал, что мы расстались навсегда — это уже чудо. Большого мне и желать не стоит»

— Я...

— Я...

— Говори первым...

— Говори первым...

Они произнесли это в один голос и осеклись.

— Ты...

— Ты...

Снова совпадение. В гостиной повисла неловкая, но теплая тишина. Первым молчание нарушил Ань Цзыянь:

— После того как ты покинул гору Небесного Духа, ты виделся с родными?

Чоу Хуайшэн на мгновение задумался, подбирая слова.

— Еще нет, — признался он. — Лишь передал подарки через верных людей и постоял вдали, глядя на наш дом.

Он действительно порывался вернуться к семье, но в самый последний момент, у самого порога, его сердце дрогнуло, и он отступил.

— А то важное дело, о котором ты говорил? Тебе удалось его уладить? — осторожно спросил Цзянь.

«Должно быть, нет, — пронеслось у него в голове. — Иначе зачем ему скрываться от собственной семьи? Что же это за тайна, из-за которой брат Хуайшэн не решается переступить родной порог?»

Этот вопрос не давал Цзяню покоя еще на горе Небесного Духа, но разгадки он так и не нашел.

— Пока нет. Тут спешить нельзя, поспешишь — людей насмешишь, — усмехнулся Хуайшэн.

В действительности у него уже созрел четкий план действий, вот только в будущем, когда придет время претворять его в жизнь, он напрочь позабудет о предостережениях, которые оставил ему перед уходом Истинный владыка Сюаньцин.

И снова разговор зашел в тупик. На горе Небесного Духа они болтали часами напролет, а сейчас между ними выросла стена неловкости. Ань Цзяню было больно это чувствовать.

«Если бы можно было все вернуть, — с горечью подумал он, — я бы промолчал в тот день, когда мы прощались. Тогда мы бы сейчас общались как старые добрые друзья»

Но сказанного не воротишь. Оставалось лишь радоваться тому, что Хуайшэн сидит рядом и мягко смотрит на него. Этого уже было более чем достаточно.

— А как твои дела? — нарушил молчание Хуайшэн. — Слуги шепчутся, что с самого возвращения ты ходишь сам не свой.

Хуайшэн прекрасно понимал причину этой хандры, но не спешил раскрывать карты, опасаясь, что излишняя прямота окончательно лишит их дара речи.

— Пустяки, не слушай их досужие сплетни, — поспешил откреститься Цзыянь, чувствуя, как краснеют уши. Признаться в своих терзаниях он не согласился бы ни за какие сокровища мира.

Хуайшэн понимающе улыбнулся и не стал настаивать.

— И все же ты кажешься бледнее и тоньше, чем в наш последний день на горе, — негромко заметил он, стараясь поддержать угасающую беседу.

Цзыянь невольно коснулся ладонью щеки. Неужели он действительно так сильно исхудал, что это бросается в глаза? Юноша смущенно опустил голову, пряча улыбку.

— Хочешь знать, почему я приехал на самом деле? — вдруг спросил Хуайшэн, пристально вглядываясь в его лицо.

Цзыянь удивленно приподнял брови:

— Разве не для того, чтобы сдержать обещание?

«Неужели есть иная причина? — забилося сердце юноши. — Нет, глупости. Не может же он приехать, чтобы предложить мне... быть вместе? Об этом смешно даже думать. Ведь он сам не раз говорил, что мечтает о тихой семейной жизни с женой и кучей детишек»

Хуайшэн посерьезнел, его взгляд стал глубоким и сосредоточенным.

— Помнишь, что ты сказал мне перед самым отъездом? Твое признание застало меня врасплох. Я так растерялся, что не смог вымолвить ни слова. А когда опомнился, твоя карета уже скрылась за поворотом. Я хотел догнать тебя, но стражники уехали слишком быстро.

— И... что ты хочешь сказать теперь? — прошептал Цзыянь. В груди у него все сжалось от сладостного страха — сейчас он волновался куда сильнее, чем в тот день, когда впервые открыл Хуайшэну душу.

— Я хочу сказать... давай попробуем быть вместе, — твердо произнес Хуайшэн. — Покинув гору, я долго думал об этом, извелся весь. Ты — наследник знатного рода, а я — обычный простолюдин, между нами пропасть. Но я решил отбросить сомнения. За те полтора года, что мы провели бок о бок, ты стал мне бесконечно дорог, и я не хочу тебя терять.

Под конец своей речи Хуайшэн заметно смутился и отвел глаза — Ань Цзыянь впервые видел этого уверенного в себе человека столь робким и растерянным.

Цзыянь замер, не сводя с него широко распахнутых глаз. Слова Хуайшэна казались

невероятным сном, сладким наваждением. Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Брат Хуайшэн, ты... ты ведь не шутишь? — дрожащим от волнения голосом спросил он, отчаянно боясь, что это лишь плод его измученного тоской воображения.

— Клянусь небом, каждое мое слово — чистая правда! Если я лгу, пусть гром... — Чоу Хуайшэн резко поднялся и вскинул руку для клятвы, но не успел договорить: Цзыянь тоже вскочил и мягко прижал ладонь к его губам, обрывая страшные слова.

— Не надо, — прошептал юноша, качая головой. — Мне не нужны клятвы. Я верю тебе.

Его захлестнула такая волна счастья, что закружилась голова. Все происходящее казалось прекрасным сновидением, но Цзыянь ясно ощущал тепло ладони Хуайшэна. Он был несказанно благодарен судьбе за этот миг и за то, что тот нашел в себе смелость сделать шаг им навстречу.

Это был самый счастливый день в его жизни. Столько недель он изводил себя мыслями, что Хуайшэн возненавидит его за те признания или постарается навсегда вычеркнуть из памяти. А сегодня этот человек сам пришел к нему и признался в любви. Пытаясь окончательно убедиться, что не спит, Цзыянь изо всей силы ущипнул себя за руку и невольно охнул от боли.

Хуайшэн тут же встревоженно обернулся:

— Что случилось? Тебе нехорошо?

Хотя смертельная болезнь отступила, хрупкое здоровье Цзыяня по-прежнему требовало неусыпного внимания, и Хуайшэн по привычке заволновался при первом же тихом стоне юноши.

— Нет-нет, все в порядке! Правда, не переживай, — смущенно замахал руками Цзыянь.

Ему было неловко признаться, что он прибег к столь детскому способу проверки реальности. Слишком часто за эти долгие недели ему снилось, как Хуайшэн берет его за руки и говорит заветные слова. Просыпаться после таких снов в холодной постели пустого поместья было невыносимо, и теперь он просто не мог поверить своему счастью.

Хуайшэн пристально взгляделся в его раскрасневшееся лицо и, убедившись, что тревога ложная, с облегчением выдохнул. Он мягко привлек Цзыяня к себе, позволяя ему уткнуться лбом в свое плечо. Он бережно, убаюкивающе поглаживал хрупкое плечо юноши широкой ладонью, даря ощущение абсолютной безопасности. Цзыянь замер, всем существом впитывая это долгожданное тепло.

— Ты когда-то говорил, что мечтаешь повидать мир, — тихо спросил Хуайшэн, нарушив уютное

молчание. — Твое желание не угасло?

— Да, — горячо выдохнул Цзыянь. — Грежу об этом каждую ночь.

— Тогда поедешь со мной? Обещаю, я сберегу тебя от любых невзгод. — Хуайшэн владел боевыми искусствами, способными защитить их в пути, а его глубокие познания в медицине гарантировали, что здоровье Цзыяня не пошатнется в дороге.

— Я... мне нужно спросить разрешения у отца и папы, — замялся Цзыянь. — Скоро Новый год, давай поговорим с ними уже после праздников.

До поездки на гору Небесного Духа он никогда не покидал стен родного дома. И хотя он полностью доверял Хуайшэну, отпустить его без благословения старших никто бы не решился. Ему оставалось лишь надеяться, что родители проявят снисхождение, а если нет — что ж, тогда придется что-нибудь придумать.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Хуайшэн. — А теперь тебе пора отдыхать, время уже позднее. — Он бросил взгляд на водяные часы в углу: стрелка неумолимо приближалась к полуночи. После тяжелой болезни Цзыяню требовался строгий режим, хотя Хуайшэн и не подозревал, что по-настоящему крепкого сна юноша не знал с самого дня их расставания. — Нам незачем торопиться, впереди у нас целая вечность.

— Ладно, — с легким вздохом поднялся Цзыянь. Расставаться не хотелось, но грела мысль: Хуайшэн прав, спешить им больше некуда.

— Я провожу тебя до покоев, — Хуайшэн поднялся вслед за ним и расправил складки одежд.

Цзыянь согласно кивнул. Они бок о бок пошли по извилистым дорожкам сада к его дворику. Снегопад утих. Тяжелые тучи, весь день застилавшие небосвод, разошлись, явив миру россыпь ярких зимних звезд и чистый лик луны. На душе у Цзыяня было так же светло и спокойно: буря улеглась, уступив место долгожданному рассвету.

<http://bllate.org/book/18341/1863119>